

УДК 008:351.858

Об инструментах возрождения русской этнокультуры в российском регионе Юго-Восточной Балтии

Шахов Вячеслав Александрович

Кандидат культурологии,
доцент,

доцент кафедры философии и культурологии,
Калининградский государственный технический университет,
236022, Российская Федерация, Калининград, просп. Советский, 1;
e-mail: shakhov1952@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы воссоздания и направленного развития культуры, особенно этнокультуры в регионах со смешанным этническим составом населения в приграничных областях. Эта сентенция в наибольшей степени применима к ситуации в Калининградском регионе Юго-Восточной Балтии, ибо само его существование как части России во многом зависит от устойчивости этнического самосознания населения и его культурной самоидентификации. Необходимость направленного развития управления процессами культуры исследуемого региона не вопрос симпатий и антипатий, это стратегия сохранения и развития культурной идентичности россиян в регионе Юго-Восточной Балтии. Особенности этнокультуры регионов России с преобладанием русского населения в советское время изучались в основном в историческом плане, поэтому даже значительное число проводимых как академических, так и полевых исследований, практически не дают объективной картины состояния живой русской этнокультуры. Духовность Православной этнокультуры является реперной точкой историко-культурного феномена российского региона Юго-Восточной Балтии. И это важный момент, касательно пристального взгляда к роли Православной Церкви в возрождении русской этнокультуры на «острове конфессионального мира» межцивилизационного трансграничья в центре Европы.

Для цитирования в научных исследованиях

Шахов В.А. Об инструментах возрождения русской этнокультуры в российском регионе Юго-Восточной Балтии // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 4А. С. 93-100.

Ключевые слова

Этнокультура, культурная идентичность, православие, рехристианизация, Юго-Восточная Балтия.

Введение

Самобытность проявления национальных элементов культуры накапливает в себе неповторимые духовные ценности этноса. Именно русский этнос скрепил Россию, являясь живым и убежденным проводником общей веры в духовную целостность и неделимость своего Отечества.

Необходимость направленного развития управления процессами культуры исследуемого региона не вопрос симпатий и антипатий, это стратегия сохранения и развития культурной идентичности россиян в регионе Юго-Восточной Балтии.

Особенности этнокультуры регионов России с преобладанием русского населения в советское время изучались в основном в историческом плане, поэтому даже значительное число проводимых как академических, так и полевых исследований, практически не дают объективной картины состояния живой русской этнокультуры. Работоспособных инструментов, способных с высокой эффективностью быстро повлиять на этническое самосознание людей, очень немного, более того – относительно россиян эта проблема вообще слабо изучена.

Основная часть

В прикладной этнографии России многие годы утрачивался интерес к процессам, идущим в живой среде, сосредоточиваясь на сборе фольклорных материалов у престарелых носителей народной культуры XIX века, реальные произведения творились не исследователями фольклора и не народными мастерами-практиками, а чаще их эпигонами. Если в удаленных от центра регионах можно фиксировать не только интерес, но и определенное влияние официально поддерживаемой и пропагандируемой русской этнокультуры на самовосприятие населения, то житель современного мегаполиса живет принципиально в иной среде. Интересующее его искусство иное – возможно, не хуже и не лучше, просто иное.

Более контрастная картина складывается в результате абсолютно нежелательного подавления традиционных Церквей в СССР, которое привело к изоляции россиян от православной культуры и духовности. Подавление традиционных Церквей в российском эксклаве, привело к изоляции от них россиян – жителей этого изолированного от остальной России локуса. Ибо этнокультурные системы, к которым, с точки зрения теории информации, можно отнести и Церковь, становятся все более важным инструментом для сближения людей, урегулирования местных проблем и поддержки экономики [Любак, 1994].

До развала СССР все сказанное можно было отнести к ностальгии по уходящим пластам народной культуры, или к стенаниям по общему снижению культуры населения, например, угасанию популярности классической музыки. Но в последние 25 лет эти процессы перешли из категории интеллигентского препарирования в актуальные социополитические, ибо во многих регионах страны утрата национального самосознания русским населением приводит к метастабильности общей ситуации. В наибольшей степени это относится к Калининградской области – территории, присоединенной к России по итогам II Мировой войны и утратившей общую с метрополией сухопутную границу в результате получения независимости Балтскими республиками.

В советское время даже этнокультурная стратификация регионов России с преобладанием русского населения признавалась лишь в фольклорно-историческом аспекте. Значительное число проводимых как академических, так и полевых исследований, практически не дает

объективной картины состояния живой русской этнокультуры. Ныне специалисты в области прикладного русского народного творчества, являющегося одним из таких признанных инструментов, по преимуществу работают в духе формализованных стандартных приемов, избранных в силу полученного академического образования.

Надо признать, что если в удаленных от центра регионах можно фиксировать не только интерес, но и определенное влияние официально поддерживаемых и пропагандируемых форм русской этнокультуры на самовосприятие русского населения, то житель современного мегаполиса живет принципиально в иной среде. Интересующее его искусство иное – не хуже, не лучше, просто иное.

Специфика региона с этнокультурных позиций была задана, прежде всего, особенностями сформировавших население области миграционных процессов. Все жители Калининградской области – мигранты послевоенного времени. Никакого не только автохтонного, но и старожильческого населения, включая этнических литовцев, немцев и поляков, в области нет. Процесс миграции не имел этнографического планирования и регулирования, национальный состав области никогда не управлялся. Основная часть населения – приблизительно 80% – это восточные славяне и абсорбированные ими этнические группы. По международным критериям регион, в котором вмещающая нация составляет более 2/3 населения, как в изолированной Калининградской области, считается мононациональным. Семьи приезжали без старшего поколения, что нарушило, практически исключило, преемственность традиций. Гуманитарной интеллигенции в области неестественно мало, гуманитарные знания, как и общая культура *incoroga*, имеют низкий престиж.

Низкий уровень теоретико-методологического осмысления культурной идентичности российского «острова» Юго-Восточной Балтии в системе культурологических знаний привел к отсутствию системы ее формирования. Но очевидно, что формирование культурной идентичности населения Калининградской области играет стратегическую роль в реализации государственной политики. В отсутствии адекватной национальной политики, население стало самостоятельно искать пути ее формирования. Как это ни парадоксально, наиболее доступным для калининградцев, до того абсолютно внерелигиозных, выражением приобщения к русской культуре, к национальному духу, оказался возврат в Русскую Православную Церковь. А ведь население области было глубоко *атеистичным*, ибо во всех слоях общества ранее отсутствовала даже рудиментарная бытовая религиозность, сама идея Бога была попросту неизвестна.

В советское время этнокультурная стратификация признавалась лишь в фольклорно-историческом аспекте. Для культурологии постижение истории культуры является фундаментом познания. На практике национальное сознание должно воспитываться. Но никакого приобщения к фольклорным традициям ранее не организовывалось даже во время пребывания детей в дошкольных учреждениях и обучения в школах. В результате, русское население области сформировалось во вненациональном режиме жизни «советского человека», лишенного какого-либо национального самосознания и, более того, вообще равнодушного к гуманитарной тематике. Под этим термином мы подразумеваем не духовный примитивизм, хотя и такие проявления нередки, но имперское сознание, которое создает этнологические предпосылки к потенциальной конфликтности российского эксклава. Вектор эволюции этого состояния ныне малопредсказуем, ибо очевидно, что проимперские настроения после событий 90-х годов у жителей области не могут быть ярко выражены. Отметим, что в соседних с российским балтийским локусом национальных республиках – в Литве, Латвии и Эстонии,

население было активно националистическим, а также обладало высокой степенью традиционной религиозности. Русские же жители эксклава до развала СССР, напротив, были полностью внерелигиозны, включая интеллигенцию. Атеизм калининградцев многократно усиливал отсутствие у них иных живых связей с русской этнокультурой.

Когда население области одновременно оказалось в ситуации жителей эксклава, окруженного инокультурным и, в первые годы, даже враждебным к России и к русским людям населением, оно, в соответствии со стандартной для русских людей реакцией, массово перешло на активно-патриотическую позицию и стало испытывать потребность в ощущении единения с национальной культурой. Но калининградцы – не эмигранты, а граждане России, живущие на территории своей Родины.

Никаких ярко выраженных политических симпатий или даже идей, настолько, чтобы они могли стать интегрирующей силой в регионе, в 90-е годы XX века не проявилось. Несмотря на общую внерелигиозность русскоязычного населения области, им все же был известен постулат, что христианство является наиболее общим и возвышенным принципом объединения людей разной культуры и социального положения. Но в постсоветской России люди зачастую не готовы воспринимать даже внешнюю сторону обрядности, многим вообще неизвестна идея Бога. Т.е. весь опыт религиозной практики им недоступен, ибо ничто в нем не резонирует с их предшествующим не только интеллектуальным и эмоциональным опытом, но даже не ассоциируется с какими-либо воспоминаниями детства, традициями и даже суевериями.

Но все же под естественной для русского человека религией все русские жители области априорно понимали Православие. При этом догматики этого вероисповедания калининградцы, как правило, не знали. Тем более, они не имели представления о традиционной русской религиозности.

Несмотря на всю противоречивость обсуждаемых данных по состоянию духовности русских в рассматриваемом регионе, но и в России в целом, это положение во многом общее для всех европейских христианских стран. По данным современных клерикальных исследователей, во многих странах количество верующих среди населения христианской культуры не превышает 20 - 40%. Даже в тех, в которых традиционное массовое благочестие внешними наблюдателями воспринимается чуть ли ни как поголовный фанатизм, например, в Испании или в Польше. А там вне Церкви себя ощущают, по разным оценкам, от 15 до 25% населения [Майка, 1994].

Но для населения эксклава самопроизвольное, неуправляемое извне стремление к патриотизму воплотилось именно в этих неожиданных формах возвращения в лоно Русской Православной Церкви. Святейший патриарх Кирилл, будучи митрополитом Смоленским и Калининградским, с радостью констатировал, что вопреки годами внушаемой его пастве уверенности, что религия – это внекультурный архаизм, находящийся вне реалий современной жизни, люди массово объявляли себя православными [Митрополит Кирилл, 2002]. Это соответствует глобальным мировым тенденциям – новая система ценностей, с которой человечество вступило в XXI век, характеризуется тем, что именно гуманитарные факторы выступают на первый план [Докучаев, 2012].

Реализовать это стремление в Ортодоксальную Церковь людям, до того абсолютно с идеей Бога незнакомым и даже не интересовавшимся этими проблемами, было весьма непросто. Официальная политика государственного атеизма имела в регионе утрированные формы: даже первая община Русской Православной Церкви была зарегистрирована лишь в 1985 г., хотя в архивах сохранились многочисленные свидетельства об обращениях верующих с

ходатайствами об открытии приходов, а затем в области длительное время существовал только один православный храм, народ был лишен пастырского окормления, тем более не было архипастырского попечения [Мельник, 1999].

Культурологическая позиция в оценке состояния духовной и религиозной жизни населения отличается от клерикальной тем, что для нее важны в основном параметры бытовой религиозности и распространения народной литургии населения, включая самоназвание своей религиозной ориентации.

Не вызывает удивления широкое распространение уверенности в том, что неожиданная массовость спонтанной рехристианизации калининградцев является проявлением Покрова Божьей Матери над Россией. Мы не можем выражать свое мнение по данному вопросу, но как этнологи обращаем внимание на то, что это благочестивое убеждение само по себе является массовым проявлением внецерковной, фольклорной религиозности.

Этот результат вполне ожидаем. К данным по религиозной статистике населения вообще надо относиться с большой осторожностью, ибо религиозность, как и все глубоко внутренние духовные процессы, плохо поддается обычным статистическим методам анализа, а результаты более тонких исследовательских методов слишком сильно зависят от личности наблюдателя. Особенно нельзя серьезно относиться к данным католических исследователей, жестко ограниченных догматическими нормами – например, верующим католиком может считаться лишь мирянин, не реже раза в год исповедовавшийся и приобщившийся Св. Тайн. Все же, надо учитывать многовековые межцерковные конфликты и вытекающие из них ошибки. К сожалению, рехристианизации препятствует соревнование за лидерство в проповеди Евангелия, вернее – различие ветвей Апостольских Церквей. Среди них, с современных позиций, наиболее очевидной представляется архаичное противостояние Православие и Католичества, объясняемое, прежде всего, традицией. В течение многих веков русская духовность, государственность, культура осознавали себя в качестве антиномии “латинству”. Действительно, такие тенденции были вполне реальными и объяснимыми во времена Св. Александра Невского и даже Св. Владимира Красное Солнышко. В дальнейшем на Руси стали полагать вполне приемлемым перенимание вначале технических достижений, а затем и элементов художественной культуры. Лишь в духовной сфере эти границы объявлялись не переходимыми. Разумеется, эта позиция неизбежно ведет к появлению тенденций самоизоляции, в частности – религиозного отчуждения Православия от других Апостольских Церквей, прежде всего – Католичества [Соловьев, 1994]. Это особо относится к регионам сосуществования, взаимопроникновения различных этнокультур и конфессий, таким, как русский эксклав в Балтии. Мир здесь зависит от того, будут ли преобладать объединительные тенденции, связанные с догматической общностью Католической и Православной Церквей, по определению Вселенского Патриарха Афинагора и Папы Павла I – «Церквей-сестер», общностью балтийской и славянской культур, или же будут акцентироваться моменты, разъединяющие Святую Апостольскую Церковь [Клеман, 1993].

Ныне в России существует соглашение между церковноначалием Православной и Католической Церквей об отсутствии прозелитизма среди традиционной паствы, а в Калининградской области обе Апостольские Церкви оказывают взаимную помощь в своей повседневной пастырской и хозяйственной деятельности. В Декрете о Восточных Католических Церквях подчеркивается, что «разнообразие внутри Церкви не вредит единству, но скорее являет его». Ныне иерархи и богословы Апостольских Церквей, переключая дискуссии на борьбу со внутренними догматическими противоречиями, пытаются одновременно примирить

разногласия литургические, т.е., до известной степени, и этнокультурные. В результате различия в вопросах рехристианизации России страдает сама идея христианской миссии: к какой конфессии должны обратиться прозелиты, где истина, за которой стоит христианство? При этом вопрос о конфессиональном согласии усложняется и в основном определяется традиционными представлениями, включая те, что сформировались в советский период.

При этом преимущественное развитие Православия в регионе не может нанести ущерба равноапостольским Церквам-сестрам – Католической и Армяно-Грегорианской: ведь Блаженный Августин учит, что «христиане всех времен и стран, всех рас и культур представляют собой единый, сплоченный любовью ко Христу народ».

Объективно сравнивая возможности светских и церковных этнокультурных исследований, приходится признать, что клерикальные специалисты, как ни странно, не только глубже вникают в сущность происходящих социокультурных явлений, но и подходят к наблюдаемому с более прагматичных позиций.

Активность нетрадиционных для России деноминаций зиждется не на миссионерской пассионарности в рамках демократических принципов права на свободу вероисповедания и поиска истины, является не функцией их плюрализма в сфере вероисповедальной политики. Куда вероятней, что перед нами следствие использования изоощренных технологий социополитических воздействий на массы. Поэтому в Калининградской области в процессах рехристианизации прослеживаются самые примитивные секты малограмотными проповедниками, не имеющие сколь-либо разработанной догматики. Участие в подобных квазидуховных организациях оказывает разрушительное воздействие на психологию неофитов, отрывая их от русского национального сознания.

Отметим, что проблемы рехристианизации с церковных позиций отнюдь не идентичны культурологическим. Папа Иоанн-Павел II сформулировал как основную проблему посткоммунистического мира не просвещение и даже не катехетизацию, а рехристианизацию [Иоанн Павел II, 1993]. Но с позиций этнокультуры для определения этнической принадлежности важна не воцерковленность, а признание принадлежности к Церкви «по традиции», в силу этнического происхождения. Все же русский народ доказал свою способность к возвращению к своим корням. Ныне русские люди готовы сделать это в пределах Православия, которое было когда-то им наиболее близко по ментальности и этнокультуре.

Заключение

Духовность Православной этнокультуры является реперной точкой историко-культурного феномена российского региона Юго-Восточной Балтии. И это важный момент, касательно пристального взгляда к роли Православной Церкви в возрождении русской этнокультуры на «острове конфессионального мира» межцивилизационного трансграничья в центре Европы.

Библиография

1. Докучаев Д.С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // *Философия и культура*. 2012. № 12 (60). С. 15-22.
2. Иоанн-Павел II. *Единство в многообразии*. М.: Христианская Россия, 1993. С. 135-137.
3. Клеман О. *Беседы с патриархом Афинагором*. 1993. 716 с.
4. Любак, Анри де. *Мысли о Церкви*. М.: Христианская Россия, 1994. 304 с.
5. Майка Ю. *Социальное учение католической церкви: Опыт исторического анализа*. Рим; Люблин, 1994. С. 125-127.

6. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Пока Православная Церковь действует в Калининградской области, Калининградская область будет Россией // Хроники Амбера. 2002. № 2 (334). С. 4.
7. о. Никифор Мельник. Пути становления и развития Православия в Калининградской области // Проблемы культурной интеграции в Балтийском регионе. НАСА, 1999. С. 44.
8. Соловьев В.С. Догматическое развитие Церкви (в связи с вопросом о соединении Церквей). *Bibliothèque slave de Paris: Collection Simvol*, 1994. № 5. С. 36.
9. Augustin. *Inpsalm*. 147, n. 19.

About the tools of the revival of Russian ethnic culture in the Russian region of south-eastern Baltic

Vyacheslav A. Shakhov

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor,
Associate Professor of philosophy and Culturology Department,
Kaliningrad State Technical University,
236022, 1, Sovetskii av., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: shakhov1952@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problems of recreating and directing the development of culture, especially ethno-culture in regions with a mixed ethnic composition of the population in the border areas. This maxim is most applicable to the situation in the Kaliningrad region of the South-Eastern Baltic, for its very existence as a part of Russia largely depends on the stability of the ethnic self-awareness of the population and its cultural self-identification. The need for a directed development of management of cultural processes in the region under study is not a matter of sympathy and antipathy; it is a strategy of preserving and developing the cultural identity of Russians in the South-Eastern Baltic region. The peculiarities of the ethnoculture of Russia's regions with the predominance of the Russian population during Soviet times were studied mainly in the historical sense, and therefore even a significant number of academic and field studies conducted do not give an objective picture of the state of living Russian ethno-culture. Spirituality of the Orthodox ethnoculture is the reference point of the historical and cultural phenomenon of the Russian region of the South-Eastern Baltic. And this is an important point concerning a close look at the role of the Orthodox Church in the revival of Russian ethno-culture on the “island of the confessional world” of the inter-civilization transfrontier in the center of Europe.

For citation

Shakhov V.A. (2018) Ob instrumentakh vozrozhdeniya russkoi etnokul'tury v rossiiskom regione yugo-vostochnoi Baltii [About the tools of the revival of Russian ethnic culture in the Russian region of south-eastern Baltic]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (4A), pp. 93-100.

Keywords

Ethnic culture, cultural identity, Orthodoxy, Rechristianization, South-Eastern Baltic.

References

1. Augustin. *Inpsalm*. 147, n. 19.
2. Clement O. (1993) *Besedy s patriarkhom Afinagorom* [Conversations with the patriarch Athenagoras].
3. Dokuchaev D.S. (2012) Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funktsii [Regional identity: concept, structure, functions]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 12(60), pp. 15-22.
4. Father Nikifor Mel'nik (1999) Puti stanovleniya i razvitiya Pravoslaviya v Kaliningradskoi oblasti []. In: *Problemy kul'turnoi integratsii v Baltiiskom regione* [Problems of cultural integration in the Baltic region]. NASA.
5. John Paul II (1993) *Edinstvo v mnogoobrazii* [Unity in diversity]. Moscow: Khristianskaya Rossiya Publ.
6. Lyubak, Henri de (1994) *Mysli o Tserkvi* [Thoughts about the Church]. Moscow: Khristianskaya Rossiya Publ.
7. Maika Yu. (1994) *Sotsial'noe uchenie katolicheskoi tserkvi: Opyt istoricheskogo analiza* [Social teaching of the Catholic Church: The experience of historical analysis]. Rome; Lublin
8. Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad Cyril (2002) Poka Pravoslavnaya Tserkov' deistvuet v Kaliningradskoi oblasti, Kaliningradskaya oblast' budet Rossiei [While the Orthodox Church operates in the Kaliningrad region, the Kaliningrad region will be Russian]. *Khroniki Ambera* [Chronicles of Amber], 2 (334), p. 4.
9. Solov'ev V.S. (1994) Dogmaticheskoe razvitie Tserkvi (v svyazi s voprosom o soedinenii Tserkvei) [The dogmatic development of the Church (in connection with the question of the union of the Churches)]. *Bibliothèque slave de Paris: Collection Simvol*, 5, p. 36.